

A large, solid red circle is positioned on the left side of the cover, partially overlapping the first letter of the title.

ДОН

1970 **3**

ной усмешкой вспоминает о том, каким волнующим показался ему тогда запах свежей типографской краски:

Александр Дейч впервые вдохнул этот запах шестьдесят лет назад, когда в 1910 году он увидел изданной отдельной книжечкой «Балладу Редивгской тюрьмы» О. Уайльда в собственном переводе...

Огромный путь в литературе предстоило пройти скромному начинающему автору. И сейчас, читая воспоминания Ал. Дейча, видишь, что он прошел его с честью. Собственно говоря, последние его книги плохо вяжутся с юбилейным «подведением итогов». Они написаны по-молодому энергично, живо, точным языком ученого, сочетающим в себе журналистскую школу и писательское мастерство.

Имя автора давно знакомо нам. Это — известный советский исследователь поэзии Гейне и Гёльдерлина, театровед и критик, переводчик и журналист.

Книга воспоминаний Ал. Дейча заселена очень густо писателями и поэтами самых разных поколений. С многими из них многие годы автор был связан дружескими и творческими узами, с другими он встречался лишь эпизодически. Но о ком бы он ни говорил, Ал. Дейч делает это так, что его собственная фигура почти всегда остается в тени. Благородной сдержанностью и скромностью отличаются его рассказы о замечательных людях. Среди них — А. Луначарский и Мих. Кольцов, М. Рыльский и Е. Зозуля, А. Барбюс и И. Бехер.

Портреты писателей и характеристики их творчества очень рельефны. Они освещены светом того личного отношения к людям, которое всегда составляет обаяние мемуарного жанра и поддерживает читательский интерес к нему. Разумеется, в тех случаях, когда это субъективное, личное начало сочетается со строго объективной основой фактов и событий, которые и составляют прочный фундамент книги Ал. Дейча.

Взволнованным признанием начинается эта книга: «Какое странное, трудно определяемое чувство бывает у человека, попавшего силой своего воображения в обширную страну воспоминаний! Порой при этом улыбаешься тому, что прошло и стало милым, порой глаза залуманятся грустью, а все это называется одним словом: жизнь». В этих словах можно было бы уловить оттенок умиленности, если бы вся книга не опровергала это предположение.

Ал. Дейч горячо любит своих друзей, видных деятелей советской и зарубежной культуры, но он показывает конкретный мир их исканий, чаяний и раздумий. Для него как раз наиболее важной чертой характера человека нового

мира является творческое горение, активность и борьба за высокие идеалы социалистического искусства.

И вот что еще показательно в этих мемуарах. Читая их, мы постоянно ощущаем биение мысли самого мемуариста — человека увлекающегося, но цельного в своих симпатиях и антипатиях.

Л. Усенко.

Н. Глушков. Очерковые формы в советской литературе. Изд-во Ростовского университета, 1969.

Е. Журбина. Теория и практика художественно-публицистических жанров. М., изд-во «Мысль», 1969.

Почти одновременно вышли в свет две новые книги, посвященные проблемам современного очерка. Авторы их хорошо известны всем, кто занимается исследованием этого жанра. Вокруг их предыдущих работ, встреченных с интересом в научном мире, велось в свое время немало споров.

Вопреки мнению некоторых авторов о том, что не стоит тратить усилий на поиски полного и конкретного определения очерка как жанра, Н. И. Глушков и Е. И. Журбина долгие годы ведут свои исследования на эту тему. Начиная поиски жанрообразующих признаков очерка, оба автора обращаются к публицистичности, как одному из неизменных признаков жанра. В этих разделах исследований можно найти немало интересных наблюдений, полемических мыслей, которые позволяют расширить представление об изучаемом предмете. Но здесь наблюдаются и некоторые расхождения критиков, суть которых безынтересно проследить.

Если Н. Глушков считает, что публицистика обладает всеми качествами высокого искусства художественной литературы, то Е. Журбина отмечает, что «есть публицистика и есть художественная литература, хотя точно обозначенной, «как на карте» границы того или иного государства, между ними не существует». Поэтому она ведет речь только о публицистическом насыщении очерковых образов.

Вновь разгорелись споры о близости и различии очерка и рассказа после того, как в литературоведении занял свое достойное место жанр беллетристического или художественного очерка. Как известно, до некоторого времени очерк принято было считать сугубо документальным жанром, исключаящим вымышленные ситуации, образы, факты. Но литературная практика опровергла

это мнение. Художественные очерки В. Овечкина, А. Калинина, В. Фоменко, Г. Тропольского, Е. Дороша и многих других писателей явились в этом отношении благодарным материалом для исследователей. И в рецензируемых книгах есть специальные главы, посвященные этому сложному вопросу. «Очерк и рассказ. Документальные и беллетристические («художественные») очерки»; «Между очерком и рассказом». Уже сами эти заголовки в книгах Н. И. Глушкова и Е. И. Журбиной очерчивают круг вопросов, интересующих авторов. Здесь идет профессиональный разговор о признаках, сближающих и разъединяющих эти жанры. Материал исследований позволяет глубже понять специфику этих родственных жанров, полнее и грамотнее использовать на практике их отличительные особенности.

К разговору об отличии очерка от рассказа тесно примыкает вопрос о приемах и способах типизации в очерке, об особенностях его языка и стиля. Обе книги ведут настоящий бой за высокохудожественные, образные, яркие по языку и стилю произведения. При этом авторы подчеркивают, что художественность изображения подразумевает использование не только образного языка произведения, а всей совокупности художественных средств и приемов. Большое место отводится самовыражению авторской личности, авторской индивидуальности.

А отсюда, как неперемное условие, следует вывод о высоком чувстве партийности и ответственности очеркиста перед народом. Только человек, обладающий передовым мировоззрением и глубоким знанием марксистско-ленинской философии, может стать на уровень требований современности, ярко и образно отразить великие свершения, думы и чаяния современников. Это требование в полный голос прозвучало в книге Е. И. Журбиной.

Немаловажное место в теории очерка занимает вопрос о его классификации. Здесь наблюдается обилие разноречивых мнений.

Наиболее полно и доказательно вопрос о классификации очерков нашел отражение, по нашему мнению, в монографии Н. И. Глушкова. Он делит очерки на документальные и беллетристические, различает и архитектурные разновидности жанра, к которым относит собственно очерковые формы, очерк-статью, очерк-рассказ, очерковые повесть и роман, цикл очерков, зарисовку. Он различает очерки по проблематическим измерениям жанра. Правда, в предложенной классификации чувствуется некоторая усложненность.

В наши дни очерки продолжают жить

и развиваться. В них находят отражение дела и свершения советских людей, занятых мирным созидательным трудом. Наряду с очерками, посвященными жизни города и деревни, совершенствуется очерк на морально-этические темы, возрождаются очерки на темы партийной пропаганды и другие.

И немалый вклад в теоретическое осмысление, разработку многих принципиальных вопросов очеркистики внесли авторы названных книг.

Вс. Боякович,

М. Мезенцев.

Лев Разгон. Мир, в котором дети — не гости. М., изд-во «Детская литература», 1969.

«Дети... не хотят оставаться и не остаются, несмотря на все старания горе-педагогов, в кругу специфических «детских» интересов, они все устремлены во взрослость... Дети не могут быть в какой бы то ни было изоляции, так как живут вместе со взрослыми, по-своему участвуют в их жизни, переживают их горести и радости, хотя как можно скорее полней узнать и понять сложный, противоречивый и бесконечно притягательный, ибо предстоящий им, мир взрослой жизни». Это высказывание известного детского писателя Н. Дубова, взятое из статьи «Дети и взрослый мир», является как бы отправным моментом для определения его кредо.

В своем очерке Л. Разгон, сам детский писатель и критик, определяет основную тему творчества Дубова: взаимоотношение между миром детей и миром взрослых. Эта тема наметилась уже в последующих произведениях — «Горе одному», «Мальчик у моря», «Небо с овчинку», «Беглец», а также в многочисленных публицистических статьях, где на первом плане были мысли о воспитании поколений, преемственности нравственных начал, воспитания гражданственности.

Л. Разгон не случайно назвал свое исследование «Мир, в котором дети — не гости». Он не просто рассматривает творчество Н. Дубова в хронологической последовательности, а подходит к его раскрытию с точки зрения выдвинутой самим писателем проблемы взаимоотношения детей и окружающего мира. И взаимоотношения эти предстают во всей сложности, в ситуациях самых острых, конфликтах непримиримых. Взять хотя бы повесть «Сирота», в которой, по справедливому мнению критика, наиболее масштабно, с наибольшей открытостью выражены взгляды Дубова на важнейшие проблемы воспитания,